Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII в.

Адриан Селин, Илона Яблокова

**Local legal proceedings and law enforcement in Novgorod the Great
in late 16th — early 17th centuries**

Adrian Selin, Ilona Yablokova

*(both — National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870010774-2

История отправления правосудия в местных центрах Московского царства до 1649 г. обеспечена источниками достаточно слабо. В литературе утвердилось мнение о том, что правосудие отправлялось на основе существовавшего кодифицированного права (памятниками которого являются судебники XV—XVI вв.), а также в значительной степени обычного права. Высказано мнение, что в Московском царстве, как и в Европе, каноническое и общее право («*ius commune*») образовывали общее правовое основание, на котором своды законов и обычное право («*ius proprium*») формировали местную судебную-правовую практику¹. Такие высказывания, впрочем, требуют серьезного фактического обоснования. Тем важнее каждый памятник, сообщающий данные о правоприменении, в особенности в нестоличных городах Московского царства. В то же время центральные судебные учреждения времени сложения приказной системы исследованы достаточно подробно².

В Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН) хранится переписная книга дел новгородского Судного приказа за 1584—1605 гг. Памятник сохранился в подлиннике, рукопись в четвёрку, на 400 листах. Сохранность рукописи достаточно хорошая, за исключением первого листа, содержащего заголовок. Переписная книга хранится в составе коллекции 2 Русской секции «Актовые книги Новгородского Софийского дома»³, но к последнему учреждению не имеет никакого отношения. Источник представляет собой выполненную при новгородском дьяке Дмитрие Алябьеве (около 1602 г.) перепись дел и документов, хранившихся в новгородском Судном приказе с 1584 г.; позднее, при сменившем Алябьева дьяке Нелюбе Суколенове⁴ это описание дополнялось по мере накопления архива. Сами дела, перечисленные в переписной книге, не сохранились.

© 2020 г. А.А. Селин, И.В. Яблокова

Статья подготовлена в рамках проекта № 18-IP-03 Фонда поддержки научных исследований и академического развития юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

¹ *Bellomo M.* The Common Legal Past of Europe, 1000—1800. Washington, 1995.

² *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 198—203, 334—345.

³ Впервые описано Б.Д. Грековым в 1916 г.; печатная опись опубликована отдельным оттомом (*Греков Б.Д.* Актовые книги Новгородского Софийского дома. Пг., 1916. С. 5—6).

⁴ Дьяк в Новгороде Великом с 4 февраля 1603 г. по 3 июля 1604 г. (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 501).

Впервые памятник под таким названием был опубликован Н.В. Калачовым⁵. Калачов готовил издание с целью проиллюстрировать разные формы делопроизводства в Московском государстве; в комментарии к публикации указано, что документ извлечён из «рукописей, хранящихся в архиве Новгородской казённой палаты». По дате создания документа, опубликованного в сборнике Калачова (1593—1600 гг.), равно как и по заголовку рукописи, приведённому издателем (см. табл. 1), этот документ совпадает с тем, о котором идёт речь в настоящей статье; однако сравнительный анализ публикации Калачова и документа, хранящегося ныне в Научном архиве СПбИИ РАН, не даёт ни одного совпадения при описании дел. По всей вероятности, это какой-то синхронный, но пока не разысканный памятник.

В годовые статьи переписи кроме судебных актов включены другие дела, хранившиеся в архиве, прежде всего кабальные книги, ведшиеся погодно как в Новгороде Великом, так и в новгородских пятинах⁶. Кроме того, в каждом годовом разделе отдельно хранились царские грамоты, касавшиеся того или иного судебного случая (их численность за каждый год также описывалась особо). В архиве хранились и документы, относившиеся к другим уровням судебной власти⁷. В Судном приказе хранились, помимо того, воеводские указы, касавшиеся общих вопросов управления Новгорода Великого. К примеру, под 1597/98 г. записан «Приговор воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева с товарищи, что велено всем площадным подьячим Софейские и Торговые стороны быти вместе и писать всякие дела на Софейской стороне вместе ж, а не порознь, вершено»⁸.

Описываемый памятник является самым ранним из сохранившихся, но не единственным в своём роде: близкие по формуляру описания и составу переписи, вероятно, время от времени проводились в новгородском Судном приказе на протяжении XVII в.⁹ Ближайший по времени сравнительный материал, отражающий деятельность другой судебной инстанции Новгорода Великого — комплекс книг записи судебной пошлыны 1611—1616 гг. Комплекс включает в себя четыре книги, хранящиеся в коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod Государственного архива Швеции¹⁰. Книги относятся к делопроизводству новгородского Судного двора, содержат указания на осуществлявшего правосудие новгородского судью (назначался из детей боярских)¹¹. Каждый памятник имеет скрепу выборных представителей судебного присутствия — новгородских судных старост и целовальников¹². Значительное количество материалов мелких уголовных и гражданских дел, ведшихся в Новгороде в 1611—1617 гг., не сохранилось, а возможно, и не сохранялось. Однако характер и номенклатура этих дел достаточно полно отразились в этих источниках. Н.Б. Безус предприняла

⁵ Книга переписная Новгородского судного приказа. 1593—1600 // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 176—187.

⁶ О принципах ведения кабальных книг см.: *Панеях В.М.* Холопство в XVI — начале XVII вв. Л., 1975.

⁷ «Наказы, что даны судьям на Судный двор. В столпе» (Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 22).

⁸ Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 50.

⁹ Там же, д. 2.

¹⁰ Svenska Riksarkiv, Ockupationsarkivet från Novgorod, serie I, d. 4, 5, 64, 122. Подробное их описание см.: *Accounts of the Occupied City. Vol. 1. Stockholm, 2003. S. 97—99, 178—179, 270.*

¹¹ *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного самоуправления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

¹² Архив СПбИИ РАН, кол. 124, оп. 1, д. 498, 502, 504.

**Заголовки Переписной книги Новгородского Судного приказа
(СПБII, кол. 2, оп. 1, д. 12), рукописи, опубликованной Н.В. Калачовым,
и в описании Б.Д. Грекова**

Рукопись СПБII, кол. 2, оп. 1, д. 12	Публикация Н.В. Калачова	Каталог Б.Д. Грекова
<p>Л. 1 [Книги приходные с судных дел, каковы поданы] дьяком Смирным Васильевым [дьяку Дмитрею] Алябеву за приписью дьяка Семейки Емельянова, да Григорья Клобукова, да Смирнова Васильева. Л. 398а. Почерком XVIII в.: «Книга записная разных со 102-го по 114-й год».</p>	<p>Книги переписные судным, и разбойным, и татиным делом, и запискам, и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и управных дел, и холопым книгам и столпом, и всяким делом, которые дела были в Судном приказе при воеводе при князе Даниле Ондреевиче Нохтеве с товарищи да при дьяке при Дмитрее Алябеве со 102 году по 108 год, за приписью дьяка Дмитрея Алябева, по приезд боярина князя Василья Ивановича Шуйского да диака Второго Поздеева. Конца книги в рукописи не достает.</p>	<p>Книги переписные судным, и разбойным, и татиным делом, и запискам, и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и с управных дел, и холопым книгам и столпом и всяким делом, которые дела были в Судном приказе.</p>

попытку изучения этих памятников, привлекая аналогичные источники, в первую очередь опубликованные¹³. Судебная тяжба отражалась в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксировалась дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины (пошлины включали в себя: судную, пересуд и правый десяток). При описании дел отмечалось также, было ли дело завершено; в случае рассмотрения прошлогодних дел, это обстоятельство указывалось; если истца освобождали от уплаты пошлины «для бедности», это также отмечалось. Вероятно, возможность избежать самых обременительных судебных издержек — это явление, распространённое в Смуту, но не исчезнувшее с умиротворением Московского царства. Соборное уложение (ст. 127) строго запрещало освобождение кого-либо от судебных издержек.

Три из четырёх книг новгородского Судного двора стали предметом рассмотрения в обзорной работе А. Шёберга. Учёный успел опубликовать лишь общий обзор памятников, указав на их большую ценность для изучения древнерусского языка XVII в.: «Практически каждое слово в документах Оккупационного архива содержит слова, не встречающиеся в более ранних текстах»¹⁴.

¹³ Безус Н.Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы научно-практического семинара 25—27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 93—98.

¹⁴ Sjöberg A. Three judgment Books in the Novgorod Occupation archives 1611—1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Т. 31/32. 1985 (Slavic Linguistics, Poetics, Cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his 60th birthday 13 Dec. 1985). P. 399—404.

Книги представляют собой рукописи, состоящие из переплетённых тетрадей; переплёты не сохранились. Книги велись погодно в традиционном московском летоисчислении. Вероятно, вскоре после 1617 г. книги подверглись архивной обработке: на обложках есть записи на немецком языке, сделанные человеком, не разбиравшимся в московской документации.

Неизвестно, велись ли судебные книги после 1 сентября 1615 г. В июне 1615 г. состав людей, принимавших решения в Новгороде, коренным образом изменился. Дьяк Семен Лутохин (как и его товарищ Пятой Григорьев) был отстранён от власти; сократилась и численность горожан, оставшихся в Новгороде. Предполагаем, что и функционирование новгородской Судной избы к этому времени прекратилось.

В данной работе мы в целом руководствуемся оптикой, предложенной в монографии Н.Ш. Коллманн о вершении суда в Московском государстве. Она пишет, что жители Московского царства «создали суровую правовую культуру. Русские люди нашего времени, может быть, слишком пренебрежительно относятся к собственному правовому наследию. Они слишком впечатлены “дыбой и кнутом”, традицией доносительства, горечью от повсеместной чиновничьей коррупции. Между тем в повседневной практике структуры права и правосознания Московского государства строились с учётом тонких нюансов и с достаточной пластичностью и соответствовали тогдашним стратегиям государственного строительства и управления»¹⁵. Принимаем и тезис Коллманн о том, что компетенция различных судебных учреждений Московского царства не всегда была чётко определена: часто суд вершился по факту представления тяжущихся в тот или иной орган судебной власти.

Судебные органы допетровского периода не раз были предметом исследования. Однако нам впервые на основе компаративного анализа привлекаемых источников и сплошного исследования всего объёма описываемых в них судебных случаев удалось проанализировать функционирование разных уровней судебных учреждений в их взаимосвязи.

Дела в архиве новгородского Судного приказа были сгруппированы по годам. Внутри погодных групп также, вероятно, существовали блоки дел, но исходя из порядка их описания проследить правильную закономерность хранения этих дел удаётся не всегда. Каждое судебное дело представляло собой, по всей видимости, отдельную единицу хранения: его заглавие становилось для новгородских подьячих единицей описания¹⁶. В основном использовался единый формуляр, однако есть определённое разнообразие при описании годовых групп разными подьячими. Обычно описание дела включало в себя тип (дело судное, записка и др.), имя истца, имя ответчика, предмет судебного разбирательства и наличие судебного решения («вершено»/«не вершено»). В некоторых годовых статьях указывается также объём дела (число сставов), наличие скрепы того или иного новгородского дьяка. В ряде случаев указана стоимость предмета судебного разбирательства. Важным элементом формуляра были указания на связь решений Судного приказа с другими судебными органами: часть дел (до 7%) переданы с нижестоящих уровней (большинство с новгородского Судного

¹⁵ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 536.

¹⁶ Существуют прямые указания на то, какие новгородские подьячие вели перепись дел новгородского Судного приказа: «Отпуск по (ч) подьячего Истома Деткова на Василья Слепцова в беглых крестьянех, и то дело писано в переписном списке у Ждана Молеванова (курсив наш. — А.С., И.Я.) во 106-м году» (Архив СПБИАИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 70 об.).

двора, но также и из новгородских пятин от губных старост и из пригородов). В ряде случаев (до 3%) дела передавались в высшую инстанцию: есть указания на передачу дел в приказы (прежде всего в приказ Холопьяго суда) или «глухое» указание на отправку дел для решения «к государю к Москве».

Среди дел, рассмотренных в новгородском Судном приказе, следует выделить: 1. Дела судные (самый многочисленный тип, до 74%), в том числе: дела судные по государевой грамоте (возбуждённые по санкции от вышестоящего судебного органа); дела судные, взятые с Судного двора (ранее разбиравшиеся в суде низшей инстанции). 2. Записки (судебные решения, принимавшиеся по согласию сторон). 3. Отпуска по челобитным (судебные решения, принимавшиеся на основе поступившей в суд челобитной).

Оригинальный заголовок книги, данный в начале XVII в., указывает на объём компетенции новгородского Судного приказа. Кроме того, на неё указывают подзаголовки: «Книги, а в них записан приход государевым царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии деньгам с судных и с управных дел, и пенным деньгам, и с убитых голов веры по годом, со 102-го году по 106-й год, за приписью дьяка Дмитрея Алябьева»¹⁷.

Среди собственно судных дел можно выделить три большие группы: дела по кабалам; дела о холопстве¹⁸; дела о «бое и бесчестье» и «изроне» (убытках, как правило, оцениваемых в денежном эквиваленте). Заметная группа дел, хотя и не столь существенная, — иски о землевладении и землепользовании («земляной запашке»). Небольшая часть дел рассматривает случаи убийств. Именно эти категории дел относятся к сферам, в отношении которых законодательство наиболее хорошо разработано. В этом смысле сфера компетенции Судного приказа охватывает область кодифицированного и указного права.

Интересно сопоставление истцов и ответчиков в разбиравшихся приказом делах. Субъектами большинства судебных разбирательств были люди приблизительно равного статуса, чина или профессионального занятия. Присутствуют многочисленные тяжбы между детьми боярскими, уличанами (в том числе между представителями одной профессии, извозчиками или мясниками). Много лет судились друг с другом подьячие Собина Ярлыков и Будай Сартаков. Небольшая группа дел относится к возбуждению «сильными людьми» (представителями семьи Годуновых, воеводой кн. В.И. Ростовским) исков в отношении новгородцев разных чинов¹⁹.

Низшими инстанциями по отношению к новгородскому Судному приказу были новгородский Судный двор, где судил новгородский судья (назначенный из детей боярских) и новгородские судные старосты и целовальники (выборные посадские люди); суды губных старост в пятинах (сельские округа); суды в Заонежье (Оштинский стан, Дикая Лопь).

Высшей инстанцией по отношению к новгородскому Судному приказу были суды в московских приказах и Новгородской четверти. Из 1 737 судебных дел, рассмотренных в Великом Новгороде, 70 отправили в Москву. В отношении 49 дел есть общее указание на посылку их «к государю», 10 были посланы в Новгородскую четверть, 6 — в Холопий приказ, 2 — в Разбойный приказ и по одному делу к патриарху, в Судный приказ и в Разряд. В Москву отправляли дела о вывозе крестьян; о «лживленной» государевой грамоте; о посоль-

¹⁷ Архив СПбИИ РАН, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 62 об.

¹⁹ Там же, л. 67 об.

ских беглых людях; краденых монастырских деньгах; о крестьянах и крестьянском имуществе; об убийстве; о бое и грабеже; о разбое; о владении деревней; о служилых и заемных кабалах; третейское дело о земле; о воровстве; о беглых холопах; о бегстве стрельца; о нарушенном крестном целовании; по извету подьячего на подьячего; о таможенных росписях.

Касательно практики взаимоотношения новгородского Судного приказа с низшими инстанциями можно заключить следующее. Взаимоотношения с расправами губных старост в пятинах (равно как и с фиксацией ими кабальных сделок) примерно понятны — в приказ на утверждение шли лишь дела, связанные с татьбой и душегубством. Связь с судом в пригородах (Копорье, Старая Русса, Ладога) не вполне ясна, равно как неясен и объём судебных компетенций воевод и осадных голов пригородов: архивы пригородов не сохранились. В новгородский Судный приказ из земских судов Заонежья шли на утверждение преимущественно дела по заёмным кабалам (и, что примечательно, по взысканию бескабальных, т.е. не документированных долгов), а также о спорном имуществе; гораздо меньше было исков о «бое и бесчестье». Однако наиболее продуктивно сравнение номенклатуры дел приказа с делами, разбиравшимися на новгородском Судном дворе. Здесь крайне важен второй комплекс источников — книги записей судной пошлины 1610-х гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Книги записи судной пошлины 1611—1615 гг. и архивные надписи на них

Архивный номер	Дата	Архивный заголовок на немецком языке*	Архивный заголовок на русском языке
122	1611/12 г.	Anno 1611. [...] strafen [...]	Книги Судного двора 120-го году
64	1612/13 г.	Anno 1611. In diesen buche ist von Gericht sachen geschrieben	Книги Судного двора 121-го году
5	1613/14 г.	Anno 1611. In diesen buch stehet geschrieben was die fahrten vorn gerichte zur straffe und ander anfristung? gegeben haben	—
4	1614/15 г.	Vorzeichnung der richtlichen straff gelder wo viel dessen entfangen undt einkommen ist. Anno 1612	Книги пошлинные судные избы 123-го году

* Выражаем благодарность Д.И. Веберу за транскрипцию немецких заголовков.

Из общего количества рассмотренных в Великом Новгороде в 1584—1605 гг. судебных исков необходимо выделить один уголовный и сделать акцент на то, что только по одному из известных дел мы знаем о вынесении и приведении в исполнение смертного приговора²⁰. Это подтверждает, что в Московском цар-

²⁰ Там же, л. 260—260 об.

стве смертная казнь была исключительным и чрезвычайным видом наказания, к которому прибегали крайне редко. К подобному же выводу пришла и Коллманн, указывая, что «о казнях по уголовным делам в местных судах можно составить только общее впечатление по намёкам, рассеянным в различных источниках». «Отсутствие данных — слабое основание для выводов, но одно из объяснений гласит, что в Русском государстве XVI века казни проводились настолько просто, что не привлекали к себе внимания»²¹. Так или иначе, проведённое исследование показало, что в Великом Новгороде за период с 1584 по 1616 г. по 753 уголовным делам, рассмотренным местными новгородскими судебными органами, только единожды применялась смертная казнь.

Доступ к правосудию был открыт практически для всех групп населения. Среди участников споров выступали: бояре (19 раз), дети боярские (143), новокрещёны (50); монастырские служки (39); крестьяне (35); стрельцы (34); недельщики (31); игумены (31); ямские охотники (21); монахины (15); игуменьи (11); конюхи (11); «латыши» (7); пастухи (6); служилые татары (4). Много раз в делах фигурируют новгородские посадские люди, в том числе из верхов купечества. Из 1 737 дел новгородского Судного приказа только одно направлено во Псков, одно прислано из Ладоги и одно — из Ивангорода.

Споров по подведомственности и подсудности практически не было. Единственный иск — «дело судное по государеве грамоте подьячего Василья Сони́на с Михалком с Кривошоком в закладном платье в пятидесяти в дву рублех с полтиною и в убытках, не вершено... и то дело отдано в Розряд, из Розряда отдано в Судный приказ»²² — проделал путь через две вышестоящие инстанции.

Примечательно, что по двум делам дьяка из Великого Новгорода вызывали в Москву. Первое — «дело розбойное Вяжицкого монастыря крестьян Гриши Ондреева с товарищи да ноугородца Степанка Хамтолина на подсиверских казаков на Костю Иванова с товарищи по двум челобитным прошлого 101-го году при окольнічем и воеводе при князе Петре Семеновиче Лобанове-Ростовском да при дьяке при Семейке Емельянове, и то дело по приезде воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева да дьяка Дмитрея Алябьева без дьячие приписи. А с тех мест, как приехали в Новгород князь Данило Ондреевич Ногтев да дьяк Дмитрей Алябьев, за приписью дьяка Дмитрея Алябьева вершено и пошлины с них вытей взяты, а в иных пошлинах оговорные люди стояли на правежи да спущены, взяти ни на ком. И по государеву указу то дело дьяк Семейка Емельянов подписал на Москве»²³. Второе — «дело судное Григорья Лопухина с Карпом з Дементьевым о деревенском владенье, а суд был при окольнічем и воеводою при князи Петре Семеновиче Лобанове-Ростовском да при дьяки при Семейке Емельянове без дьячие приписи, а приговор воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева да дьяка Дмитрея Алябьева за приписью дьяка Дмитрея Алябьева, что послано на сыск. Вершено и подписано, а подписал дьяк Семейка Емельянов на Москве»²⁴. Впрочем, возможно это было связано со сменой администрации в Новгороде, после чего для формального завершения дела потребовалось разыскать С. Емельянова в Москве и получить его подпись.

Результат рассмотрения по 69 делам, направленным в Москву, неизвестен. В описании единственного дела содержится вердикт: «Дело судное по госуда-

²¹ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание... С. 371, 395.

²² Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 346 об.

²³ Там же, л. 92—92 об.

²⁴ Там же, л. 95.

реве царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте Шаврука Муравьева с Мосейком с сестрами в холопстве, не вершено, отсрочено для посольской службы за приписью дьяка Дмитрея Алябьева». В этом случае известен результат рассмотрения: «И то дело послано ко государю к Москве и вершено на Москве, а з дела списан список и под списком государева грамота, велено Шавруку людей отдати»²⁵.

Непосредственно в Судном приказе было рассмотрено 1 667 дел разнообразной номенклатуры. К уголовным делам мы условно отнесли 753 рассмотренных иска, к имущественным спорам — 1 013 исков (см. табл. 3).

Таблица 3

**Номенклатура дел в Переписной книге
новгородского Судного приказа 1584—1605 гг.**

Номенклатура	Число дел
Спор о беглых	243
Спор по кабалам (заёмным и служилым)	203
«Бой»	186
Спор о холопстве	156
Грабёж	141
Бесчестье	98
Убийство	94
Земельный спор	65
Хлеб	61
Снос	59
Краденое, кража, поклажа	54
Имущество («живот»)	49
Убытки	47
Вывозные крестьяне	46
Владение деревней, пустошью, помещьем, землёй, двором	42
Заёмные деньги	32
Подговор людей/крестьян	22
Татьба	21
Насильство	21
Дворовый наезд	19

²⁵ Там же, л. 98.

Таблица 3 (окончание)

Порука	15
«Воровство»	13
Заклад	13
«Лая» (брань)	10
Недоплата	9
Рыбная ловля	7
Подмога	6
Оговор	6
Денежный счёт	5
Заёмный хлеб	5
Пахота земли, пустоши	4
Сенной покос	4
Поджог	3
Разбой	2
Увечье	2
Извет	2
Звериная ловля	1

Рассматриваемый период — время существования в Новгороде Великом нескольких судебных инстанций и развитого судебного администрирования. Сложная система управления Новгородской землей возглавлялась воеводой (иногда наместником), бывшим в прямых отношениях подчинения к центральным (московским) органам власти (приказам и Новгородской четверти). В то же время власть воеводы (наместника) распространялась на менее крупные субъекты — пятины, пригороды, отдельные районы Новгородской земли с особым управлением (для конца XVI в. — Заонежье). Кроме того, воевода ведал и новгородский посад, управлявшийся выборными пятиконецкими старостами, с помощью которых создавался сложный судебный орган — новгородская Судная изба с судьёй (назначался воеводой) и выборными «заседателями» — старостой и целовальниками.

В книгах записи судных пошлин 1611—1615 гг. отразилась общественная жизнь Новгорода в годы существования новгородско-шведского политического альянса. Предметы тяжб, характер конфликтов между новгородцами, состав тяжущихся представляют достаточно «плотную» картину жизни Новгорода 1611—1615 гг. Книги сохранили имена тяжущихся новгородцев, предметы их тяжб, а также имена новгородских судей. В них хранятся достаточно яркие биографические подробности. Так, в итоговой записи книги сбора судной пошлины за 1613/14 г. обозначено, что среди других вещей в Судной избе осталась «по-

личная» шапка «Григория Милославского, что имался у Федора у Лихарева». По поводу оставшихся «поличных» вещей было запрошено правительство; в ответ пришла память за приписью дьяка Семена Лутохина: «а велено которые поличные залежались прошлых лет и нынешнего 122 году, а истцов тем нет, и то поличное велено, оцени, продавати»²⁶.

Сопоставление книг записи судебных пошлин новгородской Судной избы с книгами записи судной пошлины 1611—1615 гг. показывает следующую динамику изменений иерархии судебных органов в этом регионе. Низшими судебными инстанциями до начала Смуты были Судная изба (в Новгороде), суды губных старост (в пятинах), новгородских пригородов и Заонежских погостов. Все эти судебные органы были так или иначе связаны с выборным началом (при всей специфике понятия «выбор» в московской политической культуре). Так, в новгородскую Судную избу назначался судья (из новгородских детей боярских), но его «товарищами» служили судный староста и судный целовальник, избиравшийся из новгородских посадских людей. Губными старостами становились выборные представители служилых людей той или иной пятины, земскими судьями в Заонежье — выборные от дворцовых и монастырских крестьян. Менее ясно, как осуществлялся суд в новгородских пригородах.

С наступлением Смуты органы управления не претерпели существенных изменений. После взятия Новгорода войсками Якоба Делагарди и особенно после заключения договора между Делагарди и Новгородом 25 июля 1611 г. сформировался особый тип управления, который многократно описан в литературе. Подчеркнём лишь автономию власти в Новгороде Великом в принятии существенных решений, а следовательно, и принятие новгородскими властями функций ряда центральных учреждений. Новгородские судебные органы лишились высшей инстанции, а значительное число дел, разбиравшихся в «нормальное» время в Москве, в частности дел о поместьях, а также дел политических, с этого времени решалось воеводской властью Новгорода. Контроль над многими территориями в пределах Новгородской земли не был стабилен. Военная обстановка требовала возникновения военно-судебной власти в сельской местности, где строились крепости — острожки.

Иерархическая структура судов в Новгороде также претерпела изменения. В самом Новгороде суд осуществлялся, как и прежде, назначенным судьёй из детей боярских, выборными старостой и целовальником. Этот суд, по всей вероятности, сохранил все признаки, которыми обладал в более раннее время, — в нём разбирались конфликты горожан, равно как и прочих новгородцев. Следующей (и высшей) инстанцией стал суд «новгородских бояр и воевод». Сюда передавались лишь политические дела, а также многочисленные иски, связанные с конфликтами из-за поместий. Вероятно, судом «бояр и воевод» рассматривались и дела об убийствах и разбое.

Ключевыми фигурами в судопроизводстве были новгородские дьяки, скреплявшие подписью не приговоры, но книги судной пошлины. Это было связано с финансовой отчётностью суда низшей инстанции: все судные пошлины, собранные за календарный год, сдавались в Большой приход (часть новгородского Разряда). Именно Разряд, возглавлявшийся дьяками (сперва Андреем Лыцовым, затем Семеном Лутохиным), служил центром принятия решений, в том числе по судебным делам. В то же время нет сомнений в том, что самые важные политические судебные дела, а также дела, связанные с большими

²⁶ Книги сбора судной пошлины 1613/14 (РА, NOA, Serie 1:5, с. 116—117).

суммами денег, действительно рассматривались совместной администрацией (в разное время: кн. Иван Никитич Одоевский, генерал Якоб Делагарди, Эверт Горн, Монс Пальм). Примечательно, что единственное прямое обращение к «старине», обычному, неписаному праву (дело о краже лошадей из новгородского городского стада) также имело политический оттенок, так как лошади были не просто украдены, но угнаны за пределы распространения власти новгородского правительства.